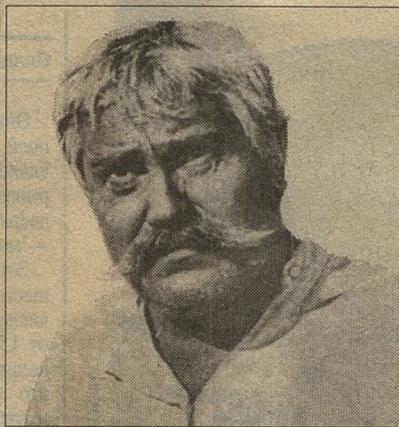

ПАМЯТЬ

Ваше благородие, госпожа разлука

Он немного не дотянул до 43 лет.
В эти дни Павлу Луспекаеву исполнилось бы 70

Век. - 1997.
- N 14. - с. 11

Юрий МАРЬЯМОВ

Он был старше меня почти на десять лет. В юности — целая пропасть, непреодолимый разрыв. А теперь вот я пережил его почти на три десятка лет...

Он ворвался в киевскую театральную жизнь, как тайфун — громко, буйно. И тотчас стал звездой первой величины в звездной труппе Театра русской драмы имени Леси Украинки.

Помню его первый триумф — роль Бакланова в пьесе Александра Крона «Второе дыхание». Еще накануне премьеры никто не знал этого имени — Павел Луспекаев. Наутро узнали. (Так когда-то Москва после царя Федора проснулся знаменитым). И город заговорил о молодом артисте, выпускнике Щепкинского училища, приехавшем из Тбилиси, где служил в Грибоедовском русском драмтеатре.

Каждый день, перед утренней репетицией или вечерним спектаклем, его можно было видеть стоящим на крыльце служебного входа в окружении артистов и рабочих сцены. Казалось, голос его заполняет собой всю тихую,

тенистую, засаженную каштанами Пушкинскую улицу.

Паша Луспекаев мгновенно оброс легендами, они вообще сопровождали его всю жизнь.

Черные армянские — сверкающие — глаза. Речь с легким украинским акцентом, немного вялая в артикуляции, но мощная по звуку. Из глубины, из самого нутра, вырывающийся голос. Большое сильное тело. Мягкие, плавные и вместе с тем неожиданные движения рук. Свободная, ленивая посадка. Острый и абсолютно свой юмор — от наблюдательности. Магнит страшной притягательной силы. Таким он запомнился по киевским временам, продлившимся всего-то два года.

Исход из театра молодых актеров начался давно, происходил исподволь, и если казался незаметным, то лишь потому, наверное, что еще продолжали блистать корифеи: Юрий Лавров, Михаил Романов (лучший Федя Протасов на советской сцене), красавец Михаил Белоусов, еще оставался Олег Борисов, первый исполнитель ролей розовских неистовых мальчиков, мушкетеров — сокрушителей отвратительно-го мешанского бота.

Отъезд растянулся на годы, но ощущение было такое, что уехали все разом. И главное — в одном направлении: Ленинград, где Товстоногов строил свой знаменитый Большой драматический. К нему-то и подались Кирилл Лавров, Олег Борисов, Михаил Волков, Павел Луспекаев. Киев тихо опровинциализался. Ленинград же, напротив, стремительно обрел славу театральной Мекки. В этом, безусловно, была и их заслуга. В том числе — и Павла Луспекаева.

Живя в Питере, я получил счастливую возможность видеть его лучшие работы: Егора Черкуна в «Варварах»; обреченного, сильно, ожесточенного негра Галлена в «Скованных одной цепью» (в блистательном дуэте с Копеляном); великолепного Бонара в «Четвертом». Видел, как он репетирует роль Скалозуба: тогда еще никому не могло прийти в голову, что сыграть это ему не позволит болезнь. Перед сидевшими в зале витийствовало огромное фантастическое животное, с кошачьей пластикой, каждое его движение доставляло радость, наслаждение. Из него просто бил фонтан импровизаций.

Ни одной улыбки, светскость, ощущение своей значительности, что ни мысль, то философское обобщение, афоризм, перл — не меньше: гипертрофированная глупость человека, которому никто никогда не говорил о его глупости, привыкшего к всеобщему вниманию и знающего себе цену. Это было безумно смешно и очень узнаваемо. «Только без понтов!» — яростно выкрикивал он, вдруг обнаружив выпренность, театральщину.

Привелось видеть и актерскую вершину Луспекаева — Макара Нагульнова из «Поднятой целины». Он был ярко выраженным трагическим артистом, мог бы поразительно сыграть Отелло. Но болезнь разлучила его с театром, оставив в утешение кино, телевидение.

Вспоминается его учитель физкультуры из «Республики Шкид» Полоки: могучая неподвижность, укоризненный взгляд, тяжкие вздохи, тихое и проникновенное: «Не шали!».

Вспоминается Ноздрев в телевизионных «Мертвых душах»:

Чичиков (Игорь Горбачев): Я не буду играть с тобой в шашки.

Ноздрев: Так ты не будешь играть со мной в шашки? — и у него задрожала нижняя губа. — Нет, не буду. — Так ты подлец, — И заплакал...

А еще он сыграл в «Белом солнце пустыни». Но и о фильме Мотыля, и о таможеннике Верещагине написано и сказано за 27 лет экранной жизни столько всего, что повторяться неловко.

Однажды я встретил его в ленинградском Доме кино на каком-то просмотре. Он сидел на диване в фойе, опершись на палку, и рассеянно отвечал на приветствия. Прозвенел звонок, пора было идти в зал, но видно было, как невыносимо трудно ему подняться. Фойе опустело, а он остался сидеть, отяжелевший и необычно углубленный в себя. Спустя несколько месяцев он умер...

Человек так устроен: слишком поздно осознает потерю. Все знали, что Луспекаев — талантливейший артист. Но лишь после смерти поняли: это был поразительный самобытный талант. Он принадлежит к разряду незаменимых. Его место в театре и в кино (пусть уже и несуществующем) остается вакантным. Там, где был он, зияет пустота. Его будет не хватать всегда. Его друзья до сих пор так и не научились думать о нем в прошедшем времени. Все знали о его изнуряющей, мучительной болезни, но относились к этому как к досадному недоразумению, не сомневаясь, что поправится, сложит хворь — слишком сильная, мощная личность, чтобы вот так просто сломаться. Хотя страдания его были запредельны.

...«Десять граммов в сердце — Пойсти, не лови.

Не везет мне в смерти — Повезет в любви».

У Павла Луспекаева все вышло почти так, как у таможенника Верещагина.